Diun'kin, N

A.P. Chekhov.

УЧАЩИМСЯ

ПОСОБІЕ ДЛЯ СОЧИНЕНІЙ

А. П. ЧЕХОВЪ.

БІОГРАФІЯ И РАЗБОРЪ ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Цѣна 40 коп.



ИЗДАНІЕ
Книжныхъ магазиновъ Ив. ЗАГРЯЖСКАГО
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

А. П. Чеховъ.

БІОГРАФІЯ И РАЗБОРЪ ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

СОСТАВИЛИ

Н. И. Дюнькинъ и А. И. Новиковъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Владимира Рябова.



ИЗДАНІЕ

Книжныхъ магазиновъ Ив. ЗАГРЯЖСКАГО.

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Типографія В. Безобразовъ и Ко. В. О., Большой пр., 61.

ОТЪ АВТОРОВЪ.

Предлагая учащимся настоящее пособіе, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ руководящихъ положеніяхъ, которыя создали необходимость появленія въ свѣтъ цѣлаго ряда пособій по русской литературѣ.

Хотя въ настоящее время и существуетъ достаточное количество пособій къ изученію литературы, тѣмъ не менѣе среди учащейся молодежи явно обнаруживается недостатокъ въ такихъ пособіяхъ, благодаря которымъ каждый, ознакомившись съ необходимымъ и готовымъ матеріаломъ, могъ бы приступить къ разработкѣ извѣстной темы и имѣть ясное представленіе объ изучаемомъ произведеніи извѣстнаго писателя. Принимая во вниманіе сказанное, мы и предлагаемъ составленную нами цѣлую серію пособій Каждое изъ упомянутыхъ составлено по трудамъ луч-

шихъ русскихъ критиковъ и историковъ литературы—Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Ап. Григорьева, Страхова, Пыпина, Михайловскаго, Скабичевскаго, Овсянникова-Куликовскаго, Венгерова, Котляревскаго, Андреевича, и мн. друг.—и содержитъ біографію и разборъ произведеній того или другого писателя.

Н. И. Дюнькинъ и А. И. Носиковъ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Привѣтствуя появленіе новыхъ пособій къ изученію русской литературы, слѣдуетъ сказать, что каждое изъ нихъ представляетъ разборъ произведеній извѣстнаго писателя и въ каждомъ практически изложено все необходимое для того, чтобы учащіеся могли совершенно самостоятельно, не встрѣчая затрудненій, приступить къ изученію произведеній избраннаго ими писателя. Разборъ всѣхъ главныхъ произведеній русскихъ классиковъ точенъ со взглядами многихъ критиковъ и при составленіи, какъ видно, было обращено вниманіе на доступность изложенія. Если кому-либо покажется, что въ томъ или другомъ пособіи нѣтъ полнаго единства, что есть много вопросовъ, на которые не дается вполнѣ законченныхъ отвѣтовъ, то скажу, что для того, кто находится въ преддверіи изученія извѣстнаго писателя, необходимо прежде всего познакомиться съ содержаніемъ его произведеній, а затѣмъ съ критическими отзывами и разборомъ ихъ. Отдавая скромную дань составителямъ, надо надѣяться на возбужденіе интереса учащихся къ доступнымъ пособіямъ.

В. А. Рябовъ.

БІОГРАФІЯ.

Антонъ Павловичъ Чеховъ родился въ 1860 году. Его литературная дѣятельность падаетъ на промежутокъ между 1879 г. и годомъ смерти писателя. Хотя, такимъ образомъ, дѣятельность Чехова захватываетъ начало и нашего столѣтія, тѣмъ не менѣе его можно причислить къ писателямъ-восьмидесятникамъ. Эта эпоха, эпоха общественной подавленности и разочарованія наложила неизгладимую печать на все творчество Чехова.

Всякая иниціатива, всякая живая мысль были подавлены и не находили рѣшительно никакого выхода. Къ внѣшнему пораженію, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, присоединился и крахъ внутренній. Народническіе идеалы уже никого не удовлетворяли, никого не одушевляли. „Народничество было прежде всего настроеніемъ, жалостью къ мужику, голосомъ совѣсти за свои общественныя привилегіи, ненавистью къ офиціальной Россіи. Оно было прекрасно и могущественно, когда жило въ сердцѣ человѣка; но когда „народъ ушелъ изъ сердца", исчезло и народничество, и когда этотъ фактъ былъ сознанъ, русскій интеллигентъ почувствовалъ себя какимъ-то ненужнымъ и совсѣмъ одинокимъ. Еще вчера все было такъ ясно: былъ кумиръ, идолъ, которому слѣдовало поклоняться; были устои, которые надо было защищать; ими опредѣлялась

и любовь и ненависть; было самое важное—было сознаніе своего родства, своей духовной близости съ молчаливой сѣрой массой, былъ и выходъ, совершенно ясный и опредѣленный, изъ своего положенія. „Въ народъ“... и это слово, написанное на знамени, заключало въ себѣ цѣлую программу, цѣлую философію, цѣлый кодексъ морали. Оно было жизненно и способно наполнить собою бытіе. Вспомните, на самомъ дѣлѣ, созданные 70-и годами типы народнаго учителя и особенно „учительки“, земскаго врача, земца просто, и для васъ станетъ яснымъ, какъ много внутренняго содержанія заключалось въ этомъ коротенькомъ словѣ „народъ“. И слезы кающихся дворянъ, и цѣломудріе духа, отвернувшагося отъ соблазновъ жизни, и жажда самопожертвованія, и вѣра въ чудное будущее этой сѣрой массы, только что освободившейся отъ крѣпостной опеки, и понятная, законная гордость отъ сознанія, что и ты учавствуешь въ великомъ процессѣ созиданія новой жизни—все шло въ дѣло, все соединялось для того, чтобы создать одно изъ самыхъ оригинальныхъ общественныхъ теченій... и все это рухнуло, или, лучше сказать, все это расплылось въ мутномъ туманѣ сѣренькой жизни, въ которой орудовалъ хищникъ“. (Андреевичъ).

Къ этой лучшей части русской интеллигенціи семидесятыхъ годовъ вполнѣ примѣнимы слова чеховскаго неизвѣстнаго человѣка. Онъ говоритъ о себѣ „Я подобно библейскому силачу поднялъ на себя Газскія ворота, чтобы отнести ихъ на вершину горы, но только когда уже изнемогъ, когда во мнѣ навѣки погасли молодость и здоровье, я замѣтилъ, что эти ворота мнѣ не по плечамъ и что я обманулъ себя“. Обманувшись въ своихъ силахъ и надорвавшись, русская интеллигенція опять осталась не причемъ, у разбитаго корыта.

Одновременно съ этимъ появилось съ одной сто-

роны — толстовство, съ другой — теорія маленькихъ дѣлъ. Толстовство сказало послѣднее слово этой всеобщей разочарованности. Оно самую культуру въ корнѣ признало безнравственной, звало всѣхъ, безъ исключенія, назадъ къ первобытному земледѣльческому состоянію, къ его безъискусственной жизни, къ его чистотѣ нравовъ. Главный путь къ этому идеалу—личное самосовершенствованіе. И общество тѣмъ охотнѣе уходило въ это личное самосовершенствованіе, чѣмъ настойчивѣе жизнь ставила свои животрепещущіе вопросы и чѣмъ неразрѣшимѣе они казались. Другое теченіе группировалось вокругъ „Недѣли" Абрамова. „Послѣ 1881 года абрамовщина провозгласила: Нечего ждать, пока условія жизни внѣ насъ измѣнятся, давайте лучше тѣ условія измѣнять, которыя отъ насъ зависятъ—условія собственной жизни" (Недѣля). Формула „итти въ народъ" была замѣнена другой—„итти въ кусочки" неунывающіе абрамовцы съ восторгомъ „привѣтствовали каждое отрадное явленіе", захлебываясь проповѣдывали малыя дѣла, клеймили косность и дряблость живыхъ людей, не хотѣвшихъ примириться, и мирились съ отвратительной атмосферой, убивавшей человѣческое достоинство. Если старые народники мечтали порядокъ привести въ соотвѣтствіе со своими идеалами, то абрамовцы наоборотъ свои идеалы хотѣли приводить въ соотвѣтствіе съ порядкомъ. Одни были непримиримы, другіе проповѣдывали компромиссъ; одни хотѣли фактъ измѣнить во имя идеаловъ, другіе идеалы во имя фактовъ" (В. Львовъ).

Въ это то грустное время въ юмористическихъ журналахъ подъ псевдонимомъ „Антоша Чехонте" стали появляться мелкіе разсказы Антона Павловича Чехова. Въ его первыхъ разсказахъ было столько неподдѣльнаго юмора и столько молодого веселья, что они являлись рѣзкимъ диссонансомъ съ общимъ мрач-

нымъ, безпросвѣтнымъ настроеніемъ, царившимъ въ литературѣ того времени. За веселой внѣшностью проглядѣли внутреннее содержаніе ихъ, и даже такой чуткій критикъ, какъ Михайловскій, не замѣтилъ сколько горькихъ истинъ по адресу современнаго общества высказывается въ этихъ, по виду безпечныхъ и легкихъ разсказцахъ.

Въ началѣ Антонъ Павловичъ, какъ и Гоголь, творилъ подъ наплывомъ смѣшныхъ образовъ, которые громоздились въ его воображеніи, становились въ различныя сочетанія и просились на бумагу. Онъ не ставилъ себѣ опредѣленныхъ цѣлей, не задавался какими-либо серьезными задачами, а просто чутьемъ художника схватывалъ какую-нибудь пошлую, уродливую черту въ человѣкѣ и воспроизводилъ это съ живымъ и добродушнымъ юморомъ. „Бывало еще студентомъ", разсказываетъ Е. Я. Чехова, „Антоша сидитъ утромъ за чаемъ и вдругъ задумается, смотритъ иногда прямо въ глаза, а я знаю, что онъ уже ничего не видитъ. Потомъ достанетъ изъ кармана книжку и пишетъ быстро, быстро. И опять задумается"... Интересенъ разсказъ В. Короленко, относящійся къ этому раннему періоду литературной дѣятельности Антона Павловича... „Знаете", сказалъ Чеховъ ему, „какъ я пишу свои маленькіе разсказы?.. Вотъ". Онъ оглянулъ столъ, взялъ въ руки первую, попавшуюся на глаза вещь,—это оказалась пепельница,—поставилъ ее передо мною и сказалъ: „Хотите,—завтра будетъ разсказъ, заглавіе: „Пепельница". И глаза его засвѣтились весельемъ. Казалось надъ пепельницей начинаютъ уже роиться какіе-то неожиданные образы, положенія, приключенія, еще не нашедшіе своихъ формъ, но уже съ готовымъ юмористическимъ настроеніемъ"...

Не смотря на то, что эти разсказы рождались изъ такого юношески жизнерадостнаго настроенія, и, ка-

залось, цѣлью ихъ было только вылить свое веселое настроеніе и посмѣшить другихъ, если ихъ собрать вмѣстѣ и читать подрядъ одинъ за другимъ, то постепенно отъ веселаго настроенія не остается и слѣда и передъ глазами начинаетъ развертываться огромная картина человѣческой пошлости, мрака и ничтожества. Эти разсказы оказываются органически связанными съ позднѣйшими произведеніями Чехова, въ которыхъ уже и помину нѣтъ веселья. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Чеховъ былъ непримиримымъ врагомъ пошлости. Такимъ же онъ былъ и въ жизни. Это отвращеніе къ пошлости было частью его натуры. М. Горькій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о немъ: „Онъ обладалъ искусствомъ всюду находить и оттѣнять пошлость, — искусствомъ, которое доступно только человѣку высокихъ требованій къ жизни, которое создается лишь горячимъ желаніемъ видѣть людей простыми, красивыми, гармоническими. Пошлость всегда находила въ немъ жестокаго и остраго судью. Такимъ же врагомъ былъ Антонъ Павловичъ и всего напыщеннаго, неискренняго. „Есть люди“, говоритъ Купринъ, „органически не переносящіе, болѣзненно стыдящіеся слишкомъ выразительныхъ позъ, жестовъ, мимики и словъ, и этимъ свойствомъ А. П. обладалъ въ высшей степени“. Въ этомъ же родѣ отзывается и М. Горькій: „это часто бывало у него:—говоритъ такъ тепло, серьезно и вдругъ усмѣхнется надъ собой и надъ рѣчью своей. И въ той мягкой, грустной усмѣшкѣ чувствовался тонкій скептицизмъ человѣка, знающаго цѣну словъ, цѣну мечтаній. И еще въ этой усмѣшкѣ сквозила милая скромность, чуткая деликатность“...

Не долго продолжалось у Чехова это жизнерадостное и безпечное настроеніе. Въ 1886 г. появляются два его произведенія „Ивановъ“ и „Степь“, общій тонъ которыхъ мраченъ и безотраденъ. Такой перемѣнѣ

не мало способствовало, должно быть, и начавшееся у Чехова кровохарканье. Съ этого момента начинается у Чехова рядъ произведеній, въ которыхъ не видно никакого просвѣта; все кругомъ сѣро, уныло и однообразно. Пошлость, обыденность, ничтожество царятъ повсюду. Человѣческая личность была совершенно уничтожена, стерта; „культурный человѣкъ было исключеніемъ, самодовольная тупость и мыслебоязнь—правило, вмѣсто человѣка мы видимъ обывателя, вмѣсто совѣсти—чего изволите, вмѣсто души—вицмундиръ“. (В. Львовъ). „Не было никакого просвѣта въ жизни, не было его и въ душѣ Чехова. Въ этотъ періодъ нельзя найти въ его произведеніяхъ ни одного идеала, ни одного огонька, который бы освѣщалъ жизнь и самому аврору, и его героямъ; въ нихъ царствовала безпросвѣтная мгла, не согрѣтая ни одной надеждой, ни одной завѣтной мечтой. Въ восьмидесятыхъ годахъ Чеховъ искалъ спасенія отъ своего абсолютнаго пессимизма въ толстовствѣ. Отрицаніе Толстымъ и формы и содержанія культуры какъ нельзя болѣе приближалось ко взглядамъ Чехова о мѣщанской жизни по существу, не только формы ея, но и содержанія, и въ разсказахъ Чехова періода приблизительно 1886—1892 г., мы часто встрѣчаемъ прорывающіяся нотки толстовства“... „Но характерно однако то, что изъ толстовства Чеховъ воспринималъ только его отрицательную, разрушительную сторону, и вполнѣ безразлично относился къ сторонѣ положительной. Такимъ образомъ и толстовство не указало Чехову выхода изъ тупика абсолютнаго пессимизма, и кончилось тѣмъ, что онъ рѣзко осудилъ толстовство“ (Ивановъ-Разумникъ). Этотъ новый поворотъ въ настроеніи Чехова фиксируется приблизительно около 1894 г. Въ этомъ году онъ писалъ:“... Толстовская философія сильно трогала меня, владѣла мною

лѣтъ 6—7, и дѣйствовали на меня не основныя положенія, которыя мнѣ были извѣстны раньше, а толстовская манера выражаться, — разсудительность и, вѣроятно, гипнотизмъ своего рода; теперь же во мнѣ что-то протестуетъ".

Вмѣстѣ съ этимъ протестомъ противъ толстовства у Чехова начинаетъ выступать новая идея, идея прогресса. Въ письмѣ того же 1894 г. Чеховъ пишетъ: „Я съ дѣтства увѣровалъ въ прогрессъ и не могъ не увѣровать, такъ какъ разница между временемъ, когда меня драли, и временемъ, когда меня перестали драть, была страшныя. „Эта вѣра въ прогрессъ вылилась у него въ какую-то грустную и задушевную мечту о томъ, что будетъ черезъ двѣсти, триста лѣтъ. Эта мечта всегда появляется на сцену, когда жизнь кругомъ кажется уже слишкомъ мрачной и тяжелой. Эту мечту повторяютъ и Астровъ въ „Дядѣ Ванѣ" и Вершининъ и Тузенбахъ въ „Трехъ сестрахъ" и самъ Чеховъ. Вотъ разсказъ о немъ А. Куприна: „Какъ часто говорилъ онъ, глядя на свой садъ прищуренными глазами: „Послушайте, при мнѣ здѣсь посажено каждое дерево и, конечно, мнѣ это дорого. Но и не это важно. Вѣдь здѣсь до меня былъ пустырь и нелѣпые овраги, всѣ въ камняхъ и чертополохѣ. А я вотъ пришелъ и сдѣлалъ изъ этой дачи культурное, красивое мѣсто. Знаете-ли, черезъ триста, четыреста лѣтъ вся земля обратится въ цвѣтущій садъ. И жизнь тогда будетъ необыкновенно легка и удобна". Эта мысль о красотѣ грядущей жизни, такъ ласково, печально и прекрасно отозвавшаяся во всѣхъ его послѣднихъ произведеніяхъ, была и въ жизни одной изъ самыхъ его задушевныхъ, наиболѣе лелѣемыхъ мыслей". Къ этой отвлеченной далекой мечтѣ присоединялось и нѣчто болѣе близкое и конкретное. „Кто изъ знавшихъ его близко, говоритъ тотъ же А. Купринъ,

„не помнитъ этотъ обычной, излюбленной его фразы, которую онъ часто, иногда даже и не въ тактъ разговору, произносилъ вдругъ своимъ увѣреннымъ тономъ:—„Послушайте, а знаете что? Вѣдь въ Россіи черезъ десять лѣтъ будетъ конституція“. Эти мечты согрѣвали послѣдніе годы жизни Антона Павловича и помогали ему жить „среди ада наболѣвшей тоски“, среди тѣхъ „мертвыхъ душъ“, которыя послужили оргиналомъ для его прозведеній. Антонъ Павловичъ умеръ въ 1904 году.

Разборъ произведеній.

Приступая къ разбору произведеніи Чехова, остановимся на его значительной по обьему повѣсти „*Моя жизнь*“, въ которой онъ довольно полно и разносторонне охватилъ восьмидесятые годы. Жизнь губернскаго города, въ которомъ происходитъ дѣйствіе разсказа, есть жизнь всей Россіи въ миніатюрѣ. Въ этомъ городѣ сосредоточилась вся пустота, вся пошлость и низость, которыя наполняли тогда жизнь всего русскаго общества, наполняли и царили надъ нимъ. И по тѣмъ же причинамъ, по которымъ глухая провинція часто уродуетъ и доводитъ до смѣшного то, что является плодомъ утонченой цивилизаціи, и съ другой стороны откровенно срываетъ всѣ прикрасы и доводитъ до логическаго конца все пошлое и низкое по тѣмъ же причинамъ и отупляющая мертвенность восьмидесятыхъ годовъ достигла въ этомъ городѣ своего апогея. Въ губернскомъ городѣ не было ни сада, ни театра, ни порядочнаго оркестра; въ клубной библіотекѣ книги и журналы лежали не разрѣзанными. Весь городъ пилъ нехорошую, нездоровую воду и въ продолженіе многихъ лѣтъ только говорилъ

о водопроводѣ. Состоятельные люди спали на деревянныхъ краватяхъ съ клопами, дѣтей держали въ грязныхъ дѣтскихъ. Воровали и брали взятки всѣ: „гимназисты, чтобы переходить изъ класса въ классъ, поступали на хлѣба къ своимъ учителямъ, и эти брали съ нихъ большія деньги; жена воинскаго начальника во время набора брала взятки съ рекрутовъ и даже позволяла угощать себя и разъ въ церкви никакъ не могла подняться съ колѣнъ такъ какъ была пьяна; во время набора брали и врачи, а городовой врачъ и ветеринаръ обложили налогомъ мясныя лавки и трактиры: въ уѣздномъ училищѣ торговали свидѣтельствами, дававшими льготу по третьему разряду благочинные брали съ подчиненныхъ причтовъ и церковныхъ старостъ; въ городской, мѣщанской, во врачебной и во всѣхъ прочихъ управахъ каждому просителю кричали вслѣдъ: „Благодарить надо!"—и проситель возвращался, чтобы дать 30—40 копеекъ. А тѣ, которые взятокъ не брали, какъ, напримѣръ, чины судебнаго вѣдомства, были надменны, подавали два пальца, отличались холодностью и узостью сужденій, играли много въ карты, много пили, женились на богатыхъ, и, несомнѣнно, имѣли на среду вредное, развращающее вліяніе. Близъ города проводилась желѣзная дорога. За то, чтобы желѣзная дорога подошла къ самому городу, инженеры требовали взятку въ пятьдесятъ тысячъ, городское же управленіе довало только сорокъ, и дорогу проложили въ пяти верстахъ отъ города, „разошлись" въ десяти тысячахъ и теперь горожане раскаивались, такъ какъ предстояло проводить до вокзала шоссе, которое по смѣтѣ оказалось дороже". Сверхъ всего этого были только карты и карты. Были еще развѣ только quasi-культурныя начинанія, вродѣ любительскихъ спектаклей въ домѣ Ажогиныхъ и борьбы этого почтеннаго семейства съ

предразсудками. Но эта борьба не шла дальше репетицій по понедѣльникамъ и чтенія при трехъ свѣчахъ, и какъ нельзя лучше гармонировала съ общимъ безнадежно-мутнымъ фономъ всего города, если только не превосходила его своей пошлостью. Такова была атмосфера этого города, которая создавала „этихъ сѣрыхъ бездарныхъ, скучныхъ и жестокихъ людей съ рабьими душами и неудачниковъ съ больною совѣстью“. Эта тупая жизнь такъ дика и противна разсудку всякаго культурнаго человѣка, что одинъ англійскій критикъ совершенно отказывается понять, „какимъ образомъ населеніе цѣлыхъ городовъ не только привыкаетъ къ такой атмосферѣ, но считаетъ ее вполнѣ нормальной“, а французскій критикъ де-Вогюэ совершенно не понимаетъ всего творчества Чехова.

Въ этомъ городѣ выросъ и воспитался главный герой повѣсти, отъ лица котораго ведется весь разсказъ. Отецъ его былъ достойнымъ обывателемъ своего города. Онъ былъ узкой бездарностью, съ придавленнымъ духомъ и совершенно лишенный того священнаго огня, о которомъ онъ любилъ распространяться въ разговорахъ съ сыномъ. Онъ былъ единственный архитекторъ въ городѣ и всѣ дома были его твореніями, но что это были за дома! „Когда ему заказывали планъ, то онъ обыкновенно чертилъ сначала залъ и гостиную; какъ въ былое время институтки могли танцовать только отъ печки, такъ и его художественная идея могла исходить и развиваться только отъ зала и гостиной. Къ нимъ онъ пририсовывалъ столовую, дѣтскую, кабинетъ, соединяя комнаты дверями, и потомъ всѣ онѣ неизбѣжно оказывались проходными, и въ каждой было по двѣ, даже по три лишнихъ двери. Должно быть, идея у него была неясная, крайне спутанная, куцая; всякій разъ, точно чувствуя, что чего-то не хватаетъ, онъ прибѣгалъ къ разнаго рода

пристройкамъ, присаживая ихъ одну къ другой, и я какъ сейчасъ вижу узкія сѣнцы, узкіе коридорчики, кривыя лѣстнички, ведущія въ антресоли, гдѣ можно стоять только согнувшись и гдѣ вмѣсто пола—три громадныхъ ступени въ родѣ банныхъ полокъ, а кухня непремѣнно подъ домомъ, со сводами и съ кирпичнымъ поломъ. У фасада упрямое, черствое выраженіе, линіи сухія, робкія, крыша низкая, приплюснутая, а на толстыхъ, точно сдобныхъ трубахъ непремѣнно проволочные колпаки съ черными визгливыми флюгерами. И почему то всѣ эти, выстроенные отцомъ, дома, похожіе другъ на друга, смутно напоминали мнѣ его цилиндръ, его затылокъ, сухой и упрямый. Съ теченіемъ времени въ городѣ къ бездарности отца пригляделись, она укоренилась и стала нашимъ стилемъ".

Какъ всякій рабъ по натурѣ, онъ былъ тираномъ въ своей собственной семьѣ. Сына своего онъ билъ по щекамъ до двадцати пяти лѣтъ, а тотъ, будучи не въ силахъ превозмочь страхъ, вкоренившійся въ него съ дѣтства по старой привычкѣ вытягивалъ руки по швамъ и старался глядѣть отцу въ глаза. Дочь онъ забилъ настолько, что она дрожала передъ нимъ и боготворила его. Онъ былъ твердъ въ своей сухой житейской морали и въ своей нетерпимости превзошелъ, пожалуй, даже обывателей города и крайне сурово относился къ любительскимъ спектаклямъ Ажогиныхъ. Въ довершеніе всего онъ бралъ взятки и воображалъ, что это даютъ ему изъ уваженія къ его душевнымъ качествамъ".

Воспитанный въ такой семьѣ, въ самыхъ строгихъ правилахъ мѣщанской морали, главный герой повѣсти, молодой Полозневъ вышелъ,—вопреки всѣмъ стараніямъ отца, а, можетъ быть, именно благодаря нимъ,— „неудачникомъ". Не будучи въ состояніи превозмочь отвращеніе къ греческому языку, онъ былъ прину-

жденъ оставить гимназію и съ тѣхъ поръ онъ перепробовалъ самыя разнообразныя занятія, перемѣнилъ девять должностей и не успѣлъ ни на одной. Выбитый съ той проторенной дорожки, которая прямо и неукоснительно ведетъ къ „коллежскому ассесору", а затѣмъ и далѣе,—онъ оказался человѣкомъ, „лишеннымъ приличнаго общественнаго положенія", а благодаря этому и въ сторонѣ отъ людей. Такое обособленное положеніе дало ему возможность со стороны, болѣе безпристрастно взглянуть на жизнь города. И онъ ужаснулся той жизни, которая его окружала.

Полозневъ отнюдь не былъ головой выше своей среды и не былъ надѣленъ отъ природы особыми дарованіями, это былъ обыкновенный, средній человѣкъ, поставленный въ нѣсколько особыя условія, позволившія ему критически отнестись къ окружающей его жизни. И этого было достаточно, чтобы онъ отшатнулся отъ нея и сталъ къ ней въ рѣзкую оппозицію. Оппозиціонное настроеніе вылилось у него въ стремленіи къ опрощенію, въ превознесеніе физическаго труда. Въ его разсужденіяхъ и взглядахъ видно сильное вліяніе толстовства „Вѣдь прогрессъ—въ дѣлахъ любви, въ исполненіи нравственнаго закона, говоритъ онъ. Если вы никого не порабощаете, никому не въ тягость, то какого вамъ нужно еще прогресса?" Онъ исходитъ въ своихъ взглядахъ изъ слѣдующей безотрадной и вѣрной характеристики. „Крѣпостного права нѣтъ, зато растетъ капитализмъ. И въ самый разгаръ освободительныхъ идей, такъ же, какъ во времена Батыя, большинство кормитъ, одѣваетъ и защищаетъ меньшинство, оставаясь само голоднымъ, раздѣтымъ и беззащитнымъ. Такой порядокъ прекрасно уживается съ какими угодно вѣяніями и теченіями, потому что искусство порабощенія тоже культивируется постепенно. Мы уже не деремъ на конюшнѣ нашихъ лаке-

евъ, но мы придаемъ рабству утонченныя формы, по крайней мѣрѣ, умѣемъ находить для него оправданіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. У насъ идеи—идеями, но если бы теперь, въ концѣ XIX вѣка, можно было взвалить на рабочихъ еще также наши самыя непріятныя физіологическія отправленія, то мы взвалили бы, и потомъ, конечно, говорили бы въ свое оправданіе, что если, молъ, лучшіе люди, мыслители и великіе ученые станутъ тратить свое золотое время на эти отправленія, то прогрессу можетъ угрожать серьезная опасность". А отсюда выводъ: „Нужно, чтобы сильные не порабощали слабыхъ, чтобы меньшинство не было для большинства паразитомъ или насосомъ, высасывающимъ изъ него хронически лучшіе соки, то-есть, нужно, чтобы всѣ безъ исключенія—и сильные и слабые, богатые и бѣдные, равномѣрно участвовали въ борьбѣ за существованіе, каждый самъ за себя, а въ этомъ отношеніи нѣтъ лучшаго нивелирующаго средства, какъ физическій трудъ, въ качествѣ общей для всѣхъ обязательной повинности. „Его опрощеніе—не опрощеніе Нежданова въ „Нови" Тургенева. Для послѣдняго это было лишь первымъ этапомъ для сближенія съ народомъ, а главная цѣль лежала гораздо дальше въ совмѣстномъ переустройствѣ всего общественнаго строя. Для Полознева же это опрощеніе и физическій трудъ цѣненъ самъ по себѣ какъ единственное занятіе, когда человѣкъ можетъ сознавать, что не давишь никого, что ни изъ кого не высасываешь соковъ, и когда его совѣсть можетъ быть спокойна. Таковы положительные принципы, которыми Полозневъ старается оправдать свой образъ дѣйствія. Но центръ тяжести помѣщается не въ этихъ положительныхъ идеалахъ; они стоятъ на второмъ планѣ. Истинную же силу имѣютъ чисто отрицательные мотивы: протестъ противъ той ужасной атмосферы,

которая окутала всю жизнь; противъ того строя жизни который давитъ, обезличиваетъ, калѣчитъ людей, превращаетъ ихъ въ живые зловонные трупы. Именно этотъ протестъ, а не положительные взгляды толкнули его на этотъ путь. Именно этотъ моментъ протестъ и отрицаніе склада окружающей жизни имѣетъ въ виду его сестра, когда признается, что она и Анюта Благово съ самаго начала знали, что онъ правъ, но только боялись это высказать. Настоящую сущность дѣла просто и наивно высказываетъ сестра, когда говоритъ „Я тоже была смѣшной и глупой, а вотъ ушла оттуда и уже никого не боюсь, думаю и говорю вслухъ, что хочу и стала счастливой. Когда жила дома и понятія не имѣла о счастьѣ, а теперь я не помѣнялась бы съ королевой“. „Никого не боюсь“, „думаю и говорю вслухъ, что хочу“—вотъ тѣ неоцѣненныя блага, которыя она пріобрѣла разрывомъ со своей средой. Человѣкъ вырвался изъ той обстановки, которая сдавливала всѣ его мысли и чувства, опредѣляла готовыми, пошлыми правилами каждый его шагъ, держала въ цѣпяхъ его личность, избавился отъ вѣчнаго гнетущаго страха, получилъ возможность говорить вслухъ то, что онъ хочетъ и почувствовалъ приливъ жизни и счастья. Аналогичные мотивы дѣйствовали и у Маріи Викторовны Должиковой. Она сама явилась въ мастеровую комнатку Полознева и просила не покидать ее: „Я одна, я совершенно одна... Одна! мнѣ тяжело жить, очень тяжело, и на всемъ свѣтѣ нѣтъ у меня никого, кромѣ васъ“. Эта богато одаренная и независимая натура не была забита и обезличена средой, но зато она была совершенно одинока среди Полозневыхъ стариковъ и Ажогиныхъ и ея исканіе и стремленіе къ чему нибудь приложить свои силы пропадали совершенно даромъ. Подъ вліяніемъ духа времени, тѣхъ идей, которыя носились тогда въ обществѣ, ея исканія направились

приблизительно туда же, что и у Полознева, только она особенное предпочтеніе отдавала сельскому хозяйству. И вотъ послѣ свадьбы они горячо принимаются за проведеніе въ жизнь своихъ идей. Но не смотря на то, что въ ихъ рукахъ была полная возможность вполнѣ беззавѣтно предаваться осуществленію своихъ идеаловъ, были у нихъ всѣ средства къ этому и всѣ внѣшнія данныя, они потерпѣли полный крахъ. Это не была неудача, вызванная внѣшними обстоятельствами, это былъ внутренній крахъ, вскрывшій всю несостоятельность ихъ увлеченій. Они были сильны и чувствовали свою правоту, только пока они отрицали ту жизнь, которая текла вокругъ нихъ, но когда они попробовали противопоставить свои собственныя положительныя идеи, имъ пришлось убѣдиться въ ихъ полной несостоятельности. Въ началѣ онъ продолжаетъ заниматься своимъ физическимъ трудомъ. Она—одѣвается просто, покрывается полушубкомъ и всѣми силами разыгрываетъ изъ себя мѣщаночку. Но подобная, столь бѣдная въ духовномъ отношеніи жизнь не могла удовлетворить ихъ. Помимо того, что отдаться вполнѣ такой жизни мало-мальски развитому человѣку совершенно невозможно, если не убить въ себѣ всѣ самые элементарные духовные запросы,—она не могла удовлетворить уже потому, что они не чувствовали необходимости того, что дѣлаютъ и имъ казалось временами, что это только такъ, игра, забава.

Скоро уже они выходятъ изъ рамокъ непосредственно поставленной ими себѣ задачи—устройства своей личной жизни согласно требованіямъ совѣсти—и пытаются охватить своей дѣятельностью нѣсколько большій кругъ—дѣлаютъ попытку вмѣшаться въ жизнь темной и нищей деревни и внести въ нее немного свѣта. Но и тутъ ихъ постигаетъ неудача. Они начинаютъ

съ того, что предпринимаютъ постройку школы и съ первыхъ же шаговъ наталкиваются на такую темноту и на такую безнадежную бѣдность, что руки у нихъ сразу опускаются и хотя постройка доведена до конца, но уже у нихъ не хватаетъ энергіи вести дѣло дальше. И вотъ къ концу перваго же лѣта Маша въ слѣдующихъ безнадежныхъ словахъ подводитъ итоги ихъ работѣ: „Прошло лѣто...—Теперь мы съ тобою можемъ подвести итоги. Мы много работали, много думали, мы стали лучше отъ этого,—честь намъ и слава,—мы преуспѣли въ личномъ совершенствѣ; но эти наши успѣхи имѣли ли замѣтное вліяніе на окружающую жизнь, принесли ли пользу хотя кому-нибудь? Нѣтъ, невѣжество, физическая грязь, пьянство, поразительно высокая дѣтская смертность,—все осталось, какъ и было, и оттого, что ты пахалъ и сѣялъ, а я тратила деньги и читала книжки, никому не стало лучше. Очевидно, мы работали только для себя и широко мыслили только для себя... Мы были правы, но мы неправильно осуществляли то, въ чемъ мы правы прежде всего, самые наши внѣшніе пріемы—развѣ они не ошибочны? Ты хочешь быть полезенъ людямъ, но ужъ однимъ тѣмъ что ты покупаешь имѣніе, ты съ самаго начала преграждаешь себѣ всякую возможность сдѣлать для нихъ что-нибудь полезное. Затѣмъ, если ты работаешь, одѣваешься и ѣшь, какъ мужикъ, то ты своимъ авторитетомъ какъ бы узаконяешь эту ихъ тяжелую, неуклюжую одежду, ужасныя избы, эти ихъ глупыя бороды.,. Съ другой стороны, допустимъ, что ты работаешь долго, очень долго, всю жизнь, что. въ концѣ концовъ, получаются кое-какіе практическіе результаты, но что они, эти результаты, что они могутъ противъ такихъ стихійныхъ силъ, какъ гуртовое невѣжество, голодъ, холодъ, вырожденіе? Капля въ морѣ! Тутъ нужны другіе способы борьбы, сильные,

смѣлые, скорые! Если въ самомъ дѣлѣ хочешь быть полезенъ, то выходи изъ тѣснаго круга обычной дѣятельности и старайся дѣйствовать сразу на массу, Нужна прежде всего шумная, энергическая проповѣдь!“ Въ этой тирадѣ ставится крестъ и надъ толстовствомъ, и надъ абрамовскими призывами къ маленькимъ дѣламъ. Чувствовалось, что нужны другіе способы борьбы, сильные, смѣлые. Но какіе?—на это не умѣли отвѣтить восьмидесятые годы. Кончилось тѣмъ, что жена бросила и Дубечню, и его самого и уѣхала въ Петербургъ, а оттуда за границу. Его она собственно, никогда по настоящему и не любила. Она, увлеклась имъ какъ „самымъ интереснымъ человѣкомъ въ городѣ“ и думала, что именно съ нимъ, идя по его пути, она найдетъ то, чего недоставало въ ея жизни. Но послѣ того, какъ она потерпѣла на этомъ пути фіаско, у нея не осталось къ нему никакого чувства. Въ концѣ разсказа мы узнаемъ, что Маша соритъ деньги, поетъ и завела себѣ кольцо съ надписью „все проходитъ!“: „все проходитъ, пройдетъ и жизнь, значитъ ничего не нужно.“ Главный же герой опять принялся за малярное ремесло. „Я постарѣлъ,“ говоритъ онъ о себѣ въ концѣ, „сталъ молчаливъ, суровъ, строгъ, рѣдко смѣюсь, и говорятъ, что я сталъ похожъ на Рѣдьку и, какъ онъ, нагоняю на ребятъ скуку своими безполезными наставленіями“. Каждый изъ насъ по своему заглушаетъ или старается заглушить такъ и оставшіеся неразрѣшенными проклятые вопросы.

Въ этой повѣсти Чеховъ набросалъ широкую картину восьмидесятыхъ годовъ. Содержаніемъ этой картины служитъ рабство, рабство матеріальное и духовное. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вскрылъ всю несостоятельность тѣхъ идеаловъ, которые выдвинули эти безплодные во всѣхъ отношеніяхъ годы. Это отсут-

ствіе опредѣленныхъ идеаловъ, когда общество находилось на распутьи и никто не зналъ, куда идти, къ чему стремиться, гдѣ была малѣйшая надежда на выходъ—дѣлали картину еще сѣрѣе, монотоннѣе и ужаснѣе. А положеніе было дѣйствительно ужасно. Куда Чеховъ ни бросаетъ свой взглядъ, въ какой уголокъ русской жизни онъ ни заглядываетъ, всюду онъ видитъ разложеніе и смерть.

Вотъ безотрадная картина деревни въ разсказѣ „*Мужики*". Лакей при одной изъ московскихъ гостинницъ, Николай Чикильдѣевъ, захворалъ, не могъ уже служить и со своей женой и дочкой отправился на родину, въ деревню. Съ дѣтства у него остались свѣтлыя воспоминанія житья въ деревнѣ, но теперь, когда онъ пріѣхалъ и взглянулъ на эту жизнь, его глазамъ предстала безотрадная картина. „Николай и Ольга съ перваго взгляда поняли какая тутъ жизнь, но ничего не сказали другъ другу... и когда Николай, войдя въ избу, увидѣлъ все семейство, всѣ эти большія и маленькія тѣла, которыя шевелились на палатяхъ, въ люлькахъ и во всѣхъ углахъ, и когда увидѣлъ, съ какою жадностью старикъ и бабы ѣли черный хлѣбъ, макая его въ воду, то сообразилъ, что напрасно онъ сюда пріѣхалъ, больной, безъ денегъ, да еще съ семьей,—напрасно!"

И дѣйствительно этому, уже привыкшему къ городу человѣку, жизнь должна была показаться ужасной. Безпощадная нищета царила здѣсь. Огромная семья жила въ одной душной, темной избѣ въ грязи и голодѣ. Ѣдой служилъ одинъ хлѣбъ съ водой, чай былъ роскошью; въ праздникъ же варили похлебку изъ селедочной головки. Кромѣ того надъ хозяйствомъ тяготѣла недоимка, и съ каждымъ пріѣздомъ станового надъ ихъ хозяйствомъ, если только можно говорить о хозяйствѣ, тяготѣла опасность притти въ пол-

ное разстройство. Отъ постоянной бѣдности и хроническаго недоѣданія люди озлобились до послѣдней степени.

Кирьякъ, всякій разъ какъ былъ пьянъ, билъ свою жену до того, что ее приходилось потомъ откачивать водой; старуха, мать Николая, постоянно ворчала и бранилась, а злость была постояннымъ ея состояніемъ. Въ умственномъ отношеніи царила полная темнота. Были неграмотны, ничѣмъ не интересовались и думать не могли ни о чемъ, какъ только „о нуждѣ, о кормахъ, о томъ, что мука вздорожала. Въ религію вѣрили, но крайне смутно, ничего не понимая не зная молитвъ, и старуха, каждый день, становясь на молитву, только шептала: „Казанской Божьей Матери, Смоленской Божьей Матери, Троеручицы Божьей Матери“...

Деревня вырождалась. Невольно вспоминается пессимистъ—пастухъ изъ „*Свирѣли*“, „который жаловался, что въ природѣ все уничтожается, мельчаетъ, идетъ къ гибели, а приказчикъ Мелитонъ слушалъ его и тщетно старался вспомнить хоть одно мѣсто въ природѣ, котораго еще не коснулась всеохватывающая гибель. Тоже самое, что и пастухъ, говоритъ и Астровъ въ „*Дядѣ Ванѣ*“, показывая Еленѣ Андреевнѣ составленную имъ картограмму: „Картина нашего уѣзда, какимъ онъ былъ 50 лѣтъ назадъ. Темно и свѣтлозеленая краска означаетъ лѣса; половина всей площади занята лѣсомъ. Гдѣ по зелени положена красная сѣтка, тамъ водились лоси, козы... Я показываю тутъ и флору и фауну. На этомъ озерѣ жили лебеди, гуси, утки и, какъ говорятъ старики, птицы всякой была сила, видимо-невидимо; носилась она тучей. Кромѣ селъ и деревень, видите, тамъ и сямъ разбросаны разные выселки, хуторочки, раскольничьи скиты, водяныя мельницы... Рогатаго скота и лошадей было

много. По голубой краскѣ видно. Напримѣръ, въ этой волости голубая краска легла густо; тутъ были цѣлые табуны, и на каждый дворъ приходилось по три лошади. Теперь посмотрите ниже. То, что было 25 лѣтъ назадъ. Тутъ ужъ подъ лѣсомъ только одна треть всей площади. Козъ уже нѣтъ, но лоси есть. Зеленая и голубая краска уже блѣднѣе. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Переходимъ къ третьей части; картина уѣзда въ настоящемъ. Зеленая краска лежитъ кое-гдѣ, но не сплошь, а пятнами; исчезли и лоси, и лебеди, и глухари... Отъ прежнихъ выселковъ, хуторковъ, скитовъ, мельницъ и слѣда нѣтъ. Въ общемъ, картина постепеннаго и несомнѣннаго вырожденія, которому, повидимому, остается еще какихъ нибудь 10—15 лѣтъ, чтобы стать полнымъ.

Вы скажете, что тутъ культурныя вліянія, что старая жизнь естественно должна была уступить мѣсто новой.

Да, я понимаю, если бы на мѣстѣ этихъ истребленныхъ лѣсовъ пролегли шоссе, желѣзныя дороги, если бы тутъ были заводы, фабрики, школы,—народъ сталъ бы здоровѣе, богаче, умнѣе, но вѣдь тутъ ничего подобнаго! Въ уѣздѣ тѣ же болота, комары, тоже бездорожье, нищета, тифъ, дифтеритъ, пожары... Тутъ мы имѣемъ дѣло съ вырожденіемъ вслѣдствіе непосильной борьбы за существованіе; это вырожденіе отъ косности, отъ невѣжества, отъ полнѣйшаго отсутствія самосознанія, когда озябшій, голодный, больной человѣкъ, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своихъ дѣтей инстинктивно, безсознательно хватается за все, чѣмъ только можно утолить голодъ, согрѣться, разрушаетъ все, не думая о завтрашнемъ днѣ... Разрушено уже почти все, но взамѣнъ не создано еще ничего“.

Деревенская жизнь разлагалась, но вмѣстѣ съ

тѣмъ въ ней нарождалось нѣчто новое; и это новое нарождалось медленно, въ страшныхъ страданіяхъ и начинало проявлять свою силу съ жестокой и циничной откровенностью: въ деревнѣ начиналъ развиваться капитализмъ. Происходило разслоеніе деревни, выдѣленіе богатыхъ кулаковъ, которые постепенно превращались въ капиталистовъ-предпринимателей. Этотъ процессъ Чеховъ отмѣтилъ въ своемъ разсказѣ „*Въ оврагѣ*“. Полуграмотная семья Цыбукиныхъ держитъ въ деревнѣ лавку и благодаря туго набитой мошнѣ представляетъ изъ себя большую силу. Она имѣетъ полную возможность грабить мужиковъ, продавая тухлые продукты, не платя рабочимъ, или платя имъ товаромъ изъ лавки, торгуя водкой и принимая отъ нихъ въ закладъ самыя необходимыя вещи; и грабежъ ведется открыто, цинично, снимается съ мужика послѣдняя рубаха. Въ концѣ концовъ открывается кирпичный заводъ и Цыбукинъ изъ хозяина-ростовщика и деревенскаго міроѣда превращается въ настоящаго предпринимателя. Этотъ процессъ первоначальнаго накопленія капитала совершался медленно и незамѣтно и въ первое время никому не приходило въ голову именно здѣсь видѣть выходъ изъ создавшагося положенія, тѣмъ болѣе что это совершалось въ самыхъ хищническихъ и жестокихъ формахъ.

И Чеховъ не въ одномъ своемъ произведеніи касается этого нарождающагося матерьяльнаго рабства. Мы встрѣчаемся и съ мелкими хищниками-ремесленниками въ разсказахъ „*Ванька*“, „*Спать хочется*“, и съ крупными предпріятіями, какъ „*Бабье царство*“, „*Случай изъ практики*“, „*Три года*“. Вотъ очень характерный отрывокъ изъ послѣдняго разсказа, рисующій положеніе приказчиковъ въ складѣ милліонера Лаптева: „Служащимъ жилось у Лаптевыхъ очень плохо, и объ этомъ давно уже говорили всѣ ряды.

Хуже всего было то, что по отношенію къ нимъ старикъ Өедоръ Степанычъ держался какой-то азіатской политики. Такъ, никому не было извѣстно, сколько жалованья получали его любимцы Початкинъ и Макѣичевъ; получали они по три тысячи въ годъ вмѣстѣ съ наградными, не больше, онъ же дѣлалъ видъ, что платитъ имъ по семи; наградныя выдавались каждый годъ всѣмъ приказчикамъ, но тайно, такъ что получившій мало долженъ былъ изъ самолюбія говорить, что получилъ много; ни одинъ мальчикъ не зналъ, когда его произведутъ въ приказчики; ни одинъ служащій не зналъ, доволенъ имъ хозяинъ или нѣтъ. Ничего не запрещалось приказчикамъ прямо, и потому они не знали, что дозволяется и что—нѣтъ. Имъ не запрещалось жениться, но они не женились, боясь не угодить своею женитьбой хозяину и потерять мѣсто. Имъ позволялось имѣть знакомыхъ и бывать въ гостяхъ, но въ девять часовъ вечера уже запирались ворота и каждое утро хозяинъ подозрительно оглядывалъ всѣхъ служащихъ и испытывалъ, не пахнетъ ли отъ кого водкой: „А ну-ка, дыхни!"

Все это рабство экономическое, но рабство политическое и давило и калѣчило людей не меньше перваго. Во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни былъ изгнанъ всякій живой духъ и осталась одна форма.

Чеховъ въ нѣсколькихъ своихъ разсказахъ останавливается на судѣ („*Въ судѣ*", „*Сирена*", „*Мечты*", „*Злоумышленникъ*") и въ нихъ предстаетъ передъ нами канцелярія, съ сухимъ, формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Судъ походилъ „на какую-то, Богъ знаетъ кѣмъ заведенную, машинку".

Въ школѣ былъ введенъ мертвый классицизмъ, и въ ней царствовали, въ лучшемъ случаѣ, чисто формальное отношеніе къ дѣлу, въ худшемъ—полицей-

скіе пріемы и охранительная политика („*Учитель словесности*“, „*Человѣкъ въ футлярѣ*“). И всей этой картинѣ придавало особенно пикантный оттѣнокъ раболѣпство передъ всякимъ, кто чиномъ повыше. раболѣпство грубое, не имѣющее границъ въ своемъ усердіи („*Толстый и тонкій*“, „*Смерть чиновника*“, „*Укусъ собаки*“).

Дошло до того, что мы видимъ у людей „вмѣсто души—вицмундиръ“, и чинъ сталъ на первое мѣсто не только при оцѣнкѣ другихъ людей, но и въ самомъ носителѣ его вытѣснилъ представленіе о себѣ какъ о человѣческой личности. которой присущи извѣстныя права, чувство собственнаго достоинства. Въ разсказѣ „Упразднили“ отставной прапорщикъ Вывертовъ видитъ въ себѣ прежде всего прапорщика, и это представленіе чина такъ тѣсно слилось съ его представленіемъ о своей личности, что ему кажется, когда упразднили этотъ чинъ, что теперь онъ лишился всего цѣннаго, его обезличили, превратили въ нуль, что ему „всякій теперь можетъ сгрубить, можетъ на него тыкнуть“.

Въ этой обстановкѣ чувствовали себя хорошо только люди въ футлярахъ и унтеры Пришибеевы („*Унтеръ Пришибеевъ*“), т. е. тѣ, которые воплощали въ себѣ пошлость и тупость. И эти люди царили надъ жизнью и были ея хозяевами. Интеллигентные же люди не находили себѣ мѣста, не находили такого дѣла, куда бы они могли приложить свои силы, они оказались „лишними людьми“. Полозневъ изъ „Моей жизни“ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „...мною овладѣла тоска,—тоска физическая, когда чувствуешь свои руки, ноги и все свое большое тѣло и не знаешь, что дѣлать съ ними, куда дѣваться“,—въ такомъ положеніи очутилась вся русская интеллигенція съ той только разницей, что здѣсь оказывались лишними не физическіе

члены, но живой развитой умъ, энергія, воля, вся духовная организація культурнаго человѣка.

Иванъ Дмитріевичъ въ разсказѣ „*Палата № 6*" между прочимъ разсуждаетъ, что человѣкъ созданъ изъ теплой крови и нервовъ, а органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздраженіе... „На боль я отвѣчаю крикомъ и слезами, на подлость—негодованіемъ, на мерзость—отвращеніемъ. По моему, это собственно и называется жизнью. Чѣмъ ниже организмъ, тѣмъ онъ менѣе чувствителенъ и тѣмъ слабѣе отвѣчаетъ на раздраженіе, и чѣмъ выше, тѣмъ онъ воспріимчивѣе и энергичнѣе реагируетъ на дѣйствительность".

И вотъ русскій интеллигентъ оказался въ ненормальномъ положеніи, когда ему было строго запрещено реагировать на что бы то ни было по собственной иниціативѣ, безъ спеціальной на то инструкціи отъ власть имущихъ, и интеллигентъ вырождается. Или онъ начинаетъ приспособляться, у него атрофируются за ненадобностью всѣ человѣческія способности, и онъ превращается въ „человѣка въ футлярѣ" или же, если у него „болѣе сложная организація", то онъ „становится пьяницей или чудакомъ, сумасшедшимъ или истерическимъ субъектомъ, философомъ, лежебокомъ или попросту живымъ трупомъ".

Такой живой трупъ мы имѣемъ въ лицѣ доктора Андрея Ефимыча. Этотъ почтенный представитель восьмидесятыхъ годовъ попалъ врачемъ въ глушь, въ городскую больницу. Вначалѣ это заведеніе поразило его своимъ ужаснымъ состояніемъ, но не сдѣлавъ даже попытки перемѣнить что-либо, онъ сдался, сложилъ руки, ушелъ въ себя и зажилъ паразитомъ на казенной квартирѣ. Онъ много лѣтъ провелъ тамъ въ одиночествѣ, поглощая массу книгъ, и у него сложилась своя философія, филофія байбака и паразита.

Эту философію онъ высказываетъ въ своемъ разговорѣ съ сумасшедшимъ Иваномъ Дмитричемъ: „Вы мыслящій и вдумчивый человѣкъ. При всякой обстановкѣ вы можете находить успокоеніе въ самомъ себѣ. Свободное и глубокое мышленіе, которое стремится къ уразумѣнію жизни, и полное презрѣніе къ глупой суетѣ міра,—вотъ два блага, выше которыхъ никогда не зналъ человѣкъ. И вы можете обладать ими, хотя бы вы жили за тремя рѣшетками. Діогенъ жилъ въ бочкѣ, однако же былъ счастливѣе всѣхъ царей земныхъ...

Между теплымъ, уютнымъ кабинетомъ и этою палатой нѣтъ никакой разницы.—Покой и довольство человѣка не внѣ его, а въ немъ самомъ. Холодъ, какъ и вообще всякую боль, можно не чувствовать. Маркъ Аврелій сказалъ: „Боль есть живое представленіе о боли: сдѣлай усиліе воли, чтобъ измѣнить это представленіе, откинь его, перестань жаловаться, и боль исчезнетъ“. Это справедливо. Мудрецъ, или, попросту мыслящій, вдумчивый человѣкъ отличается именно тѣмъ, что презираетъ страданіе; онъ всегда доволенъ и ничему не удивляется“.

На это Иванъ Дмитричъ даетъ ему достойную отповѣдь: „А презираете вы страданія и ничему не удивляетесь по очень простой причинѣ: „суета—суетъ, внѣшнее и внутреннее, презрѣніе къ жизни, страданіямъ и смерти, уразумѣніе, истинное благо,—все это философія, самая подходящая для россійскаго лежебока. Видите вы, напримѣръ, какъ мужикъ бьетъ жену. Зачѣмъ вступаться? Пускай бьетъ, все равно оба помрутъ рано или поздно; и бьющій къ тому же оскорбляетъ побоями не того, кого бьетъ, а самого себя. Пьянствовать глупо, неприлично, но пить—умирать, и не пить—умирать. Приходитъ баба, зубы болятъ... Ну, чтожъ? Боль есть представленіе о боли и къ тому же

безъ болѣзней не проживешь на этомъ свѣтѣ, всѣ помремъ, а потому ступай, баба, прочь, не мѣшай мнѣ мыслить и водку пить. Молодой человѣкъ проситъ совѣта, что дѣлать, какъ жить; прежде чѣмъ отвѣтить, другой бы задумался, а тутъ ужъ готовъ отвѣтъ: стремись къ уразумѣнію или къ истинному благу. А что такое это фантастическое „истинное благо?“ Отвѣта нѣтъ, конечно. Насъ держатъ здѣсь за рѣшеткой, гноятъ, истязуютъ, но это прекрасно и разумно, потому что между этою палатой и теплымъ, уютнымъ кабинетомъ нѣтъ никакой разницы. Удобная философія: и дѣлать нечего, и совѣсть чиста, и мудрецомъ себя чувствуешь...: Нѣтъ, сударь, это не философія, не мышленіе, не широта взгляда, а лѣнь, факирство, сонная одурь“....

Эта „сонная одурь“ служила для Андрея Ефимыча непроницаемой броней, за которую онъ могъ уйти во всякое время, прикрываясь которой онъ могъ отмахнуться отъ всякаго назойливаго вопроса, которые жизнь ставила въ огромномъ количествѣ и на которые не было надежды найти отвѣтъ. Невольно вспоминается герой другого разсказа—блестящій петербургскій чиновникъ Орловъ („*Разсказъ неизвѣстнаго человѣка*“). Ту роль, которую для Андрея Ефимыча играла его философія, для Орлова имѣла иронія. Онъ этой ироніей вооружается противъ всякихъ неожиданностей, противъ всего того, что могло взволновать и нарушить привычный и размѣренный темпъ его жизни. Съ ироническимъ выраженіемъ онъ отправлялся на службу, съ ироническимъ выраженіемъ онъ разговаривалъ съ людьми, читалъ книги. „Передъ тѣмъ какъ прочесть что-нибудь или услышать, у него всякій разъ была уже наготовѣ иронія, точно щитъ у дикаря“. Такъ прятались восьмидесятники отъ жгучихъ вопросовъ жизни.

Это у нихъ выходило безсознательно, исключительно подъ вліяніемъ инстинкта самосохраненія, потому что они чувствовали, что если откроютъ широко глаза на дѣйствительность, то не смогутъ уже оставаться спокойными, имъ необходимо будетъ предпринять что-либо „сильное, смѣлое, скорое", въ противномъ случаѣ эта дѣйствительность ихъ раздавитъ.

И жизнь давила, уродовала, калѣчила тѣхъ людей, которые предусмотрительно не спрятались отъ нея и еще имѣли дерзость ставить себѣ какія-либо цѣли, строить планы. Мы уже приводили въ самомъ началѣ слова неизвѣстнаго человѣка. Въ аналогичномъ же положеніи оказался Ивановъ, герой драмы того-же названія. Вотъ въ какихъ словахъ онъ характеризуетъ себя: „былъ я молодымъ, горячимъ, искреннимъ, неглупымъ; любилъ, ненавидѣлъ и вѣрилъ не такъ какъ всѣ, работалъ и надѣялся за десятерыхъ, сражался съ мельницами, бился лбомъ объ стѣны; не соразмѣривъ своихъ силъ, не разсуждая, не зная жизни, я взвалилъ на себя ношу, отъ которой сразу захрустѣла спина и потянулись жилы; я спѣшилъ расходовать себя на одну только молодость, пьянѣлъ, возбуждался, работалъ; не зналъ мѣры. И скажи: можно ли было иначе? Вѣдь насъ мало, а работы много, много. Боже какъ много! И вотъ, какъ жестоко мститъ мнѣ жизнь, съ которою я боролся! Надорвался я! Въ 30 лѣтъ уже похмелье, я старъ, я уже надѣлъ халатъ. Съ тяжелою головой, съ лѣнивою душой, утомленный, надорванный, надломленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачѣмъ живу, чего хочу? И мнѣ уже кажется, что любовь — вздоръ, ласки приторны, что въ трудѣ нѣтъ смысла, что пѣсня и горячія рѣчи пошлы и стары. И всюду я вношу съ собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращеніе къ жизни. Погибъ

безвозвратно! Передъ тобою стоитъ человѣкъ, въ 35 лѣтъ уже утомленный, разочарованный, раздавленный своими ничтожными подвигами".

И этотъ человѣкъ, когда-то жившій полной жизнью, вѣрившій, страдавшій, ненавидѣвшій, теперь, въ 35 лѣтъ, проповѣдуетъ сѣрую жизнь, маленькія цѣли, покорность судьбѣ: „Не женитесь вы ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на синихъ чулкахъ, а выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше. Голубчикъ, не воюйте вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ объ стѣны.... Да хранитъ васъ Богъ отъ всевозможныхъ раціональныхъ хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, горячихъ рѣчей.... Запритесь себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло"....

Говоритъ онъ совершенно въ духѣ своего времени. Но онъ не можетъ помириться на этомъ. Эти слова онъ говоритъ подъ вліяніемъ желчи и мрачнаго раздраженія.

Эта его разочарованность, гамлетизмъ противны, его натурѣ. Онъ чувствуетъ, что онъ палъ, опустился, и въ концѣ концовъ не выноситъ этой внутренней борьбы съ самимъ собой и пускаетъ пулю въ лобъ.

Но не у всякаго хватаетъ силы во время сознать свое безнадежное положеніе и порвать съ жизнью. Вотъ передъ нами герои разсказа „*Дуэль*"—Лаевскій и Надежда Өеодоровна. Лаевскій—типичнѣйшій представитель породы „лишнихъ людей". „Лишніе люди"—дѣти безвременья, общественнаго кризиса и застоя, мѣщанства — въ частной жизни, реакціи—въ политической. Это—интеллигентные люди, одаренные тонкой и сложной психической структурой, со всѣми задатка-

ми для богатой и разносторонней духовной жизни, для культурной работы, а иногда и для очень высокой и героической миссіи.

Но поставленные въ такія условія, въ которыхъ ихъ силы не имѣютъ никакого выхода, они не живутъ, а постоянно страдаютъ, ищутъ и не находятъ.

Если культурнаго человѣка бросить въ пустыню и предоставить его самому себѣ то онъ долженъ или погибнуть въ непривычной борьбѣ за существованіе или утерять всѣ свои способности, пріобрѣтенныя цивилизаціей и превратиться въ дикаря, а то и въ существо, близкое къ обезьянѣ. Примѣнительно къ интеллигентному человѣку и русской жизни это значитъ— или пустить себѣ пулю въ лобъ, подобно Иванову, или превратиться въ обывателя, подобно доктору Старцеву *Іонычъ*).

Но чѣмъ выше организація человѣка, тѣмъ мучительнѣе для него этотъ второй процессъ. Онъ видитъ, болѣзненно чувствуетъ, какъ постепенно духовно бѣднѣетъ, какъ отмираютъ у него постепенно органы его психической жизни, какъ его „заѣдаетъ среда", и онъ становится обывателемъ. Многіе не выдерживаютъ этого процесса и превращаются въ истерическихъ субъектовъ съ расшатанной нервной системой.

Лаевскій, подобно всѣмъ „лишнимъ людямъ" ищетъ цѣли жизни, ищетъ идеаловъ, т. е. ищетъ такого пункта, вокругъ котораго могли бы сгруппироваться его силы, такого дѣла которое могло бы наполнить его праздную жизнь. Но этого онъ не находитъ въ пустынѣ окружающей жизни. Его энергія совершенно не находитъ точки приложенія, и поэтому она расходуется имъ безпорядочно, по всѣмъ направленіямъ въ пустое пространство.

„Если нѣтъ настоящей жизни, то живутъ миражами" говоритъ Войницкій. И вотъ Лаевскій старается

наполнить свою жизнь такимъ миражемъ. Что же какъ не миражъ это его бѣгство на Кавказъ. Онъ собирался здѣсь пріобрѣсти клочекъ земли, завести виноградникъ, трудиться въ потѣ лица... Но развѣ онъ не могъ видѣть уже заранѣе, какъ немного размышляющій и знающій себя человѣкъ, что это пусто, безсодержательно и не могло бы его удовлетворить, если бы даже все и устроилось такъ какъ онъ хотѣлъ? Не могъ понять, что это будетъ своего рода игра съ переодѣваніемъ, какъ и для Маши изъ „Моей жизни". Да и наконецъ, развѣ онъ не могъ знать уже заранѣе, что для него, человѣка петербургскаго, нелюбящаго и непонимающаго природы, бѣлоручки, боящагося каждаго камня, подъ которыми ему чудятся фаланги, змѣи и скорпіоны, этотъ планъ является полной утопіей, къ выполненію котораго онъ даже и приступить не съумѣетъ?

Все это онъ долженъ былъ если не знать, то чувствовать, но онъ гналъ отъ себя всѣ сомнѣнія, старался заглушить голосъ разсудка, чтобы хоть минуту не чувствовать раздвоенности и пустоты. У этихъ людей, живущихъ миражами за всякимъ нравственнымъ подъемомъ слѣдуетъ глубокое и острое разочарованіе, которое тѣмъ глубже и тѣмъ острѣе чѣмъ сильнѣе былъ нравственный подъемъ и чѣмъ дороже была имъ та иллюзія, при помощи которой они старались заполнить свою жизнь. Поэтому не удивительно, что, анализируя свою предыдущую жизнь, они видятъ въ ней только „ложь, ложь и ложь".

Эта склонность къ самоанализу у нихъ развивается до чудовищныхъ размѣровъ. „Вамъ говоришь, напримѣръ", говоритъ фонъ-Коренъ Лаевскому: „какъ красива кисть винограда", а вы: „да, но какъ она безобразна, когда ее жуютъ и переваривают въ желудкахъ". „Къ чему это говорить? Не ново и.... вообще странная манера".

Эта странная манера анализировать все и всѣхъ, ковыряться въ самомъ себѣ и всюду стараться найти закулисную, неприглядную сторону, стараніе во что-бы то ни стало открыть во всемъ ложь—характерная и психологически-необходимая черта всякаго неудачника и лишняго человѣка. И чѣмъ больше развивается въ человѣкѣ эта склонность, тѣмъ онъ менѣе и менѣе становится способнымъ на какую либо активную дѣятельность. Онъ становится безхарактерной, безвольной тряпкой, не способной противопоставить внѣшнему міру и человѣческой средѣ ничего твердаго и опредѣленнаго и становится жалокъ и беззащитенъ. Онъ до того отвыкаетъ отъ активной дѣятельности, что то внѣшнее раздраженіе, которое заставляетъ нормальную натуру сильно реагировать во внѣ, заставляетъ ее предпринять рядъ опредѣленныхъ дѣйствій—въ „лишнемъ человѣкѣ“ вызываетъ безконечную цѣпь разныхъ размышленій и сомнѣній, на которыя уходитъ вся его энергія и, когда настаетъ время дѣйствовать, онъ уже не имѣетъ энергіи, не имѣетъ и опредѣленнаго рѣшенія.

Лаевскій, какъ и всегда у людей съ подобной натурой, ищетъ спасенія въ перемѣнѣ мѣстъ. Имъ кажется, что стоитъ имъ только переѣхать въ другое мѣсто, и тогда они заживутъ по другому, начнутъ новую жизнь. Отсюда постоянныя стремленія изъ Петербурга на Кавказъ, а оттуда обратно въ Петербургъ. Но, разумѣется, такой суррогатъ дѣятельной жизни могъ увлекать только на минуту, а затѣмъ наступало горькое сознаніе, что все это ложь, ложь передъ самимъ собою.

Нужно остановиться еще на одной чертѣ Лаевскаго. Вотъ что о немъ говоритъ фонъ-Коренъ: „Женщина играетъ въ его жизни роковую, подавляющую роль. Онъ самъ повѣствуетъ, что 13-ти лѣтъ онъ уже

былъ влюбленъ; будучи студентомъ перваго курса, онъ жилъ съ дамой, которая имѣла на него благотворное вліяніе и которой онъ обязанъ своимъ музыкальнымъ образованіемъ. Увы, онъ такъ страдалъ, что долженъ былъ оставить университетъ и два года жить дома безъ дѣла. Но это къ лучшему. Дома онъ сошелся съ одной вдовой, которая посовѣтовала ему оставить юридическій факультетъ и поступить на филологическій. Онъ такъ и сдѣлалъ. Кончивъ курсъ онъ страстно полюбилъ теперешнюю свою... какъ ее?.. замужнюю, и долженъ былъ бѣжать съ нею сюда на Кавказъ, за идеалами якобы... Не сегодня—завтра онъ разлюбитъ ее и убѣжитъ назадъ въ Петербургъ, и тоже за идеалами".

Такая важная роль, которая выпадаетъ въ жизни Лаевскаго на долю любви, психологически вполнѣ объяснима. Это была единственная область, гдѣ онъ, разочарованный, изъѣденный самоанализомъ, могъ надѣяться найти личное счастье. Другія области были для него закрыты и онъ старался найти утѣшеніе въ идеальной любви, въ женщинѣ-другѣ. Никогда культъ чистой возвышенной любви, культъ идеальной женщины не достигалъ такихъ размѣровъ и въ жизни, и въ поэзіи, какъ въ такіе періоды, когда въ другихъ областяхъ человѣческій духъ былъ безжалостно сдавленъ. Въ этой области человѣкъ могъ проявить свою индивидуальность, свободно раскрыть душу, не боясь унтера Пришибеева и „людей въ футлярахъ" и поэтому превозносили ее, отводили ей огромное мѣсто въ своей жизни, культивировали красивую, поэтическую любовь, изучали ее въ массѣ тонкихъ оттѣнковъ и переживаній. Только любовь давала иллюзію полной и красочной жизни.

Она же помогала Лаевскому увлекаться „своими миражами". Холодно разсуждая, да еще при его склон-

ности къ анализу, онъ не могъ бы и на минуту увлечься тѣми несбыточными планами, которые замѣняли ему настоящую жизнь. Нужна была близость любимой женщины, нужно было приподнятое настроеніе, воодушевленіе, чтобы очертя голову съ искусственно взвинченной вѣрой броситься въ какое-нибудь шаткое предпріятіе, завѣдомо обреченное на крахъ. Но любовь проходила, проходила съ ней и вѣра въ свое дѣло и въ свои силы, и онъ опять искалъ любви, чтобы опять при помощи ея забыться въ мечтахъ и сладкомъ самообманѣ.

Но, видимо, проклятый рокъ тяготѣлъ надъ этими людьми и здѣсь они были такими же банкротами, какъ и всюду. Страсть—преходяща, а друга и помощницы въ женщинѣ они не могли имѣть. Другъ можетъ быть тамъ, гдѣ есть общіе интересы, а значитъ, и вообще, гдѣ есть и опредѣленные интересы, гдѣ есть жизнь; помощница можетъ быть тамъ, гдѣ есть дѣло, а гдѣ нѣтъ ни того, ни другого, тамъ нѣтъ и настоящей духовной близости мужчины и женщины. Любовь и дружба не могутъ питаться сами собой: имъ должна давать содержаніе и пищу сама жизнь. И эти люди расходились такъ же быстро, какъ сходились и при этомъ расходились, ненавидя другъ друга, за то что онъ былъ свидѣтелемъ ихъ банкротства, ихъ душевныхъ ранъ.

Эту-то заключительную главу романа Лаевскаго съ Надеждой Ѳедоровной мы застаемъ въ разсказѣ „*Дуэль*“. Здѣсь Лаевскій выказалъ свою развинтившуюся натуру во всей жалкой неприглядности. Немудрено, что фонъ-Коренъ, сильная и цѣльная натура, на знающая противорѣчій и колебаній, испытываетъ къ нему непреодолимое презрѣніе и даже отвращеніе.

Но, если провести сравненіе между этими людьми, дальше, то врядъ ли оно окажется въ пользу фонъ-

Корена. Нужно помнить; что послѣдній купилъ ясность міровозрѣнія и непреклонную стойкость воли цѣной крайней узости и бѣдности своихъ переживаній. Онъ живетъ однимъ умомъ, но и въ той области онъ является крайне узкимъ спеціалистомъ. Онъ зоологъ и, исходя изъ дарвинизма, безапелляціонно рѣшаетъ всѣ запутаннѣйшіе общественные, правовые и нравственные вопросы: и въ своей самоувѣренности и прямолинейности онъ не знаетъ предѣловъ. Лаевскаго онъ судитъ съ плеча, съ точки зрѣнія пошлой мѣщанской морали и понять его онъ органически не можетъ. Лаевскій—слишкомъ сложная для него натура.

— Слѣдуетъ упомянуть еще о Надеждѣ Өедоровнѣ, интеллигентной, образованной женщинѣ у которой были раньше и „идеалы и Спенсеръ и серьезные интересы", бѣжавшей съ Лаевскимъ отъ мужа на Кавказъ съ такими же, какъ и онъ планами на трудовую жизнь.

Но вотъ, когда ихъ иллюзіи относительно виноградниковъ постепенно разрушились, она оказалась совершенно безъ дѣла, безъ всякихъ живыхъ интересовъ, брошенной въ общество такихъ людей, какъ тупоумная Марья Константиновна, ученый мѣщанинъ и деспотъ фонъ-Коренъ, наглый Кирилинъ, смотрѣвшіе на нее съ нескрываемымъ презрѣніемъ, какъ на не честную женщину. Подъ вліяніемъ среды и праздной безсодержательной жизни, она опускается все ниже и ниже и наконецъ падаетъ до того, что продается богатому и красивому Ачміанову.

Такова грустная, безотрадная картина жизни русскаго интеллигентнаго человѣка, набросанная Чеховымъ въ этомъ разсказѣ.

Если отъ истерзаннаго самоанализомъ, истерическаго, постоянно бѣгущаго отъ самого себя Лаевскаго, жившаго въ центрѣ культурной жизни и имѣвшаго матерьяльную возможность удовлетворять своимъ

прихотямъ,—мы перенесемся въ глушь деревни—то увидимъ, что и здѣсь интеллигенты-труженики, заваленные работой, которые, казалось, имѣютъ и живое дѣло и оправданіе своей жизни, такъ же стонутъ, тоскуютъ, такъ же живутъ миражами. Вотъ передъ нами земскій докторъ Астровъ. Казалось бы, его важное и необходимое дѣло должно было спасти его отъ хандры и тоски,—на самомъ дѣлѣ не такъ. Онъ заваленъ работой, онъ заработался! „Въ десять лѣтъ другимъ человѣкомъ сталъ. А какая причина? Заработался, нянька. Отъ утра до ночи все на ногахъ, покою не знаю, а ночью лежишь подъ одѣяломъ и боишься, какъ бы къ больному не потащили. За время пока мы съ тобою знакомы, у меня ни одного дня не было свободнаго. Какъ не постарѣть? Да и сама-по-себѣ жизнь скучна, глупа, грязна... Затягиваетъ эта жизнь. Кругомъ тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а поживешь съ ними года два-три и мало-помалу самъ, незамѣтно для себя, становишься чудакомъ. Неизбѣжная участь". Но и не это самое важное, а главное то, что у него нѣтъ „огонька": „Что касается моей собственной, личной жизни, то, ей-Богу, въ ней нѣтъ рѣшительно ничего хорошаго. Знаете, когда идешь темною ночью по лѣсу, и если въ это время вдали свѣтитъ огонекъ, то не замѣчаешь, ни утомленія, ни потемокъ, ни колючихъ вѣтокъ, которыя бьютъ тебя по лицу. Я работаю—вамъ это извѣстно,—какъ никто въ уѣздѣ, судьба бьетъ меня не переставая порой страдаю я невыносимо, но у меня вдали нѣтъ „огонька". И этого „огонька" нѣтъ ни у кого изъ дѣйствующихъ лицъ; нѣтъ его и у Сони, нѣтъ и у Елены Андреевны, не стало его и у Войницкаго, дяди Вани. У этого дяди Вани еще недавно была жизнь, было дѣло, но это дѣло оказалось тоже миражемъ. Насколько бѣдна была жизнь, показываетъ ужъ

одинъ фактъ, что интеллигентный, образованный человѣкъ могъ создать себѣ идола въ лицѣ чуждаго ему и по духу и по запросамъ человѣка, поклоняться ему, служить долгіе годы, отдать всю свою личную жизнь, посвятить ему всѣ свои интересы, для того, чтобы съ приближеніемъ старости, когда лучшіе годы уже прожиты, убѣдиться, что онъ все время поклонялся бездарному, ничѣмъ не замѣчательному человѣку, „старому сухарю, ученой воблѣ". Съ этимъ открытіемъ онъ потерялъ все—и смыслъ жизни, и охоту работать, а главное у него явилось сознаніе, что онъ одураченъ, что безсмысленно растратилъ то. что у него единственно и было цѣннаго. Онъ близокъ къ отчаянью.

Не смотря на такую безотрадную картину, пьеса не оставляетъ впечатлѣнія мрачнаго и безнадежнаго отчаянья. Въ ней есть что-то примиряющее, смягчающее темныя краски. У этихъ людей нѣтъ впереди огонька, но у нихъ есть завѣтная мечта. Эта мечта не даетъ имъ смысла жизни, не руководитъ ихъ дѣятельностью, но служитъ тѣмъ тихимъ уголкомъ, куда они могутъ убѣжать на время, когда жизнь кругомъ становится ужъ слишкомъ, невыносимо тяжела. У Сони такимъ убѣжищемъ служитъ искренняя, горячая вѣра—у Астрова—мечта о той красивой и разумной жизни, которая будетъ черезъ сто-двѣсти лѣтъ. Пьеса оставляетъ тихое, мягкое, но безконечно грустное настроеніе. Это настроеніе передается въ заключительномъ монологѣ Сони: „Что же дѣлать, надо жить! Мы, дядя Ваня, будемъ жить. Проживемъ длинный-длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ; будемъ трудиться для другихъ и теперь, и въ старости, не зная покоя, а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ и тамъ за гробомъ мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалится надъ

нами, и мы съ тобою, дядя, милый дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешнія наши несчастья оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой—и отдохнемъ. Я вѣрую, дядя, вѣрую горячо... страстно... Мы отдохнемъ! Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ, мы увидимъ, какъ все зло земное, всѣ наши страданія потонутъ въ милосердіи, которое наполнитъ собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою, какъ ласка. Бѣдный, бѣдный, дядя Ваня, ты плачешь... Ты не зналъ въ своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнемъ... Мы отдохнемъ!"

„Что же дѣлать, надо жить!" Этими словами сказано все. Жизнь для героевъ пьесы является грустной, тяжелой необходимостью, а смерть является желанной; она принесетъ то, чего не было въ жизни—отдыхъ, отдыхъ отъ постоянныхъ страданій. „А для того, чтобы жить, надо работать, работать только для того, чтобы заглушить въ себѣ тоску, чтобы механически, искусственно наполнить чѣмъ-нибудь пустоту жизни".

Тотъ же мотивъ повторяется въ главныхъ чертахъ и въ другой пьесѣ Чехова—„Три сестры".—съ той только разницей, что здѣсь передъ нами, не утомленный непосильнымъ трудомъ докторъ Астровъ и не дядя Ваня, на склонѣ лѣтъ убѣдившійся въ своемъ банкротствѣ, а молодыя дѣвушки, только еще начинающія жизнь и уже стонущія и надорванныя. Онѣ не съумѣли, подобно дядѣ Ванѣ, въ молодости увлечься какимъ-либо миражемъ. Онѣ вступаютъ въ жизнь сознательно, критически относятся къ ней и ищутъ тотъ путь, который бы могъ ихъ удовлетворить—и не находятъ. У нихъ, при самомъ вступленіи въ жизнь не оказывается никакого „огонька впереди". Ясно сознается ими только стремленіе работать и работать

работать только для того, чтобы, какъ говоритъ Тузенбахъ: „хоть одинъ день въ моей жизни поработать такъ, чтобы придти вечеромъ домой, въ утомленіи повалиться въ постель и уснуть тотчасъ же". Однимъ словомъ работать только для самаго процесса работы, чтобы въ ней найти забвеніе и хоть на минуту отдѣлаться отъ тяжелыхъ мыслей, отъ исканія смысла жизни.

Значеніе Чехова въ русской литературѣ.

Таковъ грустный, сѣрый, туманный колоритъ всей поэзіи Чехова.

Въ девяностыхъ годахъ уже зарождались новыя теченія, новые люди, зарождалась новая, болѣе содержательная жизнь; но этотъ разсвѣтъ еще чуть брезжилъ и не могъ еще освѣтить большой площади. Огромная масса общества существовала еще пережитками восьмидесятыхъ годовъ и Чеховъ остался вѣренъ имъ до самаго конца.

Чеховъ горячо вѣрилъ, что „человѣку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободнаго духа".

А вмѣсто этого онъ всюду видѣлъ вокругъ себя людей, заключенныхъ въ футлярахъ, жизнь, не запрещенную циркулярно, но и не разрѣшенную вполнѣ, Вотъ что говоритъ о Чеховѣ С. Булгаковъ: „Чехова въ наибольшей степени занимала одна, чрезвычайно характерная для всего его творчества, сдѣлавшая его пѣвцомъ хмурыхъ людей, слабыхъ и побѣжденныхъ, тусклой и печальной стороны жизни. Наиболѣе часто и настойчиво ставится Чеховымъ этотъ вопросъ не о

силѣ человѣка, а объ его безсиліи, не о подвигахъ героизма, а о могуществѣ пошлости, не о напряженіяхъ и подъемахъ человѣческаго духа, а объ его загнивающихъ низинахъ и болотинахъ. Вдумайтесь въ этотъ длинный рядъ однотонныхъ и однохарактерныхъ разсказовъ, гдѣ все сѣро, уныло, безкрасочно, въ эти драмы, гдѣ люди задыхаются и погибаютъ отъ своего безсилія и неумѣлости, и вы уловите характерный Чеховскій вопросъ, замѣтите болѣзненное недоумѣніе, зверлящую мысль, которая жжетъ мозгъ и напояетъ мучительной отравой сердце, которая разучилась весело и задушевно смѣяться и, быть можетъ, свела художника въ преждевременную могилу".

Далѣе С. Булгаковъ въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ А. П. Чехова какъ художника и человѣка: „Сумрачный міръ, изображаемый Чеховымъ, освѣщается имъ ровнымъ и ласковымъ свѣтомъ. Онъ не сгущаетъ краски какъ сатирикъ, ищущій матеріала для обличенія или юмористъ, ищущій надъ чѣмъ бы посмѣяться (послѣдняя черта замѣтна только въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ), идеалъ художественной простоты и реализма, кажется, вполнѣ достигнутъ Чеховымъ. Художественную манеру Чехова можно уподобить скорѣй всего пріемамъ вдумчиваго экспериментатора, который дѣлаетъ одинъ за другимъ различные опыты въ цѣляхъ полнѣйшаго выясненія занимающаго его феномена, но является при этомъ не равнодушнымъ и холоднымъ регистраторомъ жизни, а мыслителемъ, сердце котораго болитъ и любитъ, и истекаетъ кровью отъ состраданія. Просто поразительна мягкость и снисходительность, съ которой Чеховъ относится къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ. Онъ почти не знаетъ словъ осужденія, „надо быть милосерднымъ", эти слова Сони изъ „Дяди Вани" вполнѣ являются его девизомъ. Чеховъ говоритъ про студента

Васильева, героя „Припадка“: „есть таланты писательскіе, сценическіе, художническіе, у него же особый талантъ—человѣческій. Онъ обладаетъ тонкимъ великолѣпнымъ чутьемъ къ боли вообще“. Эта характеристика должна быть отнесена къ самому Чехову, человѣческій талантъ котораго не меньше его художественнаго“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Обложка напечатана въ Граф. Литографіи «Экспрессъ» В. Бобенко СПБ. Пет. ст., Большой пр. 21

